

ШЕКСПИРОВСКИЕ ШТУДИИ VI

Н. В. Захаров

ИЗОБРАЖЕНИЕ ШЕКСПИРА

В РИСУНКАХ ПУШКИНА

(ОПЫТ АТРИБУЦИИ)

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Институт гуманитарных исследований

Центр теории и истории культуры

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (IAS)

Отделение гуманитарных наук Русской секции

ШЕКСПИРОВСКИЕ ШТУДИИ VI

Н. В. Захаров

ИЗОБРАЖЕНИЕ ШЕКСПИРА

В РИСУНКАХ ПУШКИНА

(опыт атрибуции)

Монография

Для обсуждения на научном семинаре

25 июня 2007 года

Москва

Издательство Московского гуманитарного университета

2007

ББК 84 (4Вел)

Ш41

Ш41 Шекспировские штудии VI: Захаров Н. В. Изображение Шекспира в рисунках Пушкина (опыт атрибуции) : Монография. Для обсуждения на научном семинаре 25 июня 2007 года / Отв. ред. Вл. А. Луков; Моск. гуманитар. ун-т. Ин-т гуманитар. исследований. — М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2007. — 47 с.

Для обсуждения на научном семинаре в Институте гуманитарных исследований МосГУ подготовлен доклад Н. В. Захарова, представленный в виде монографии, которая включает результаты исследований, проведенных автором в рамках проектов «Идея “шекспиризма” в русской литературе XIX века: Пушкин и Достоевский» (РГНФ, 07-04-00182а), «Шекспиризм русской классической литературы XIX века» (грант Президента РФ МК-2495.2007.6).

Для исследователей проблем социологии культуры, теории культуры, истории мировой литературы, студентов, аспирантов.

Ответственный редактор выпуска:

доктор филологических наук, профессор,

заслуженный деятель науки Российской Федерации

академик МАН (IAS) Вл. А. Луков

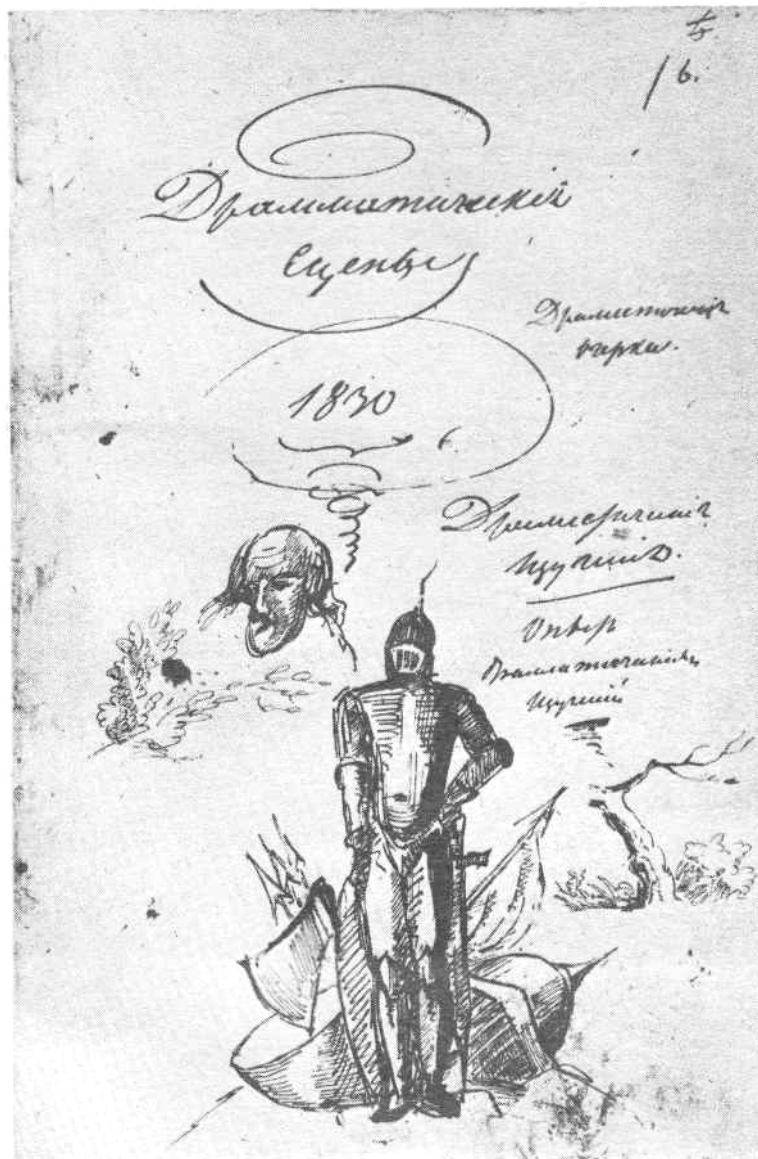
© Захаров Н. В., 2007.

© Московский гуманитарный университет, 2007.

В рабочих тетрадях А. С. Пушкина, кроме творческих черновиков, нередко встречаются графические наброски разных эпизодов и сцен, портреты современников, эскизы виньеток, рисунки еврейских и арабских букв и т. д. Изучению графики в пушкинских рукописях посвящены многие исследования, среди которых наиболее авторитетны работы Г. П. Георгиевского, А. М. Эфроса, Л. Б. Модзалевского, М. А. Цявловского, Б. В. Томашевского, Т. Г. Цявловской, Ю. И. Левиной, С. А. Фомичева и др.¹ В этой обширной научной литературе есть одна, на мой взгляд, не очень убедительная атрибуция портрета Шекспира на титульном листе рукописи «Драматических сцен». Т. Г. Цявловская сочла его «небрежным очерком головы вдохновителя драматургии Пушкина — Шекспира» (см. *рис. 1*)².

¹ Георгиевский Г. П. Семь рисунков Пушкина // Русский вестник. 1899. № 6; Эфрос А. М. Рисунки поэта. М.: Федерация, 1930; М., 2-е изд. 1933; его же: Декабристы в рисунках Пушкина // Литературное наследство. 1934. Т. 16–18; его же: Пушкин портретист: Два этюда. М., 1946; Цявловский М. А., Модзалевский Л. Б., Зенгер (Цявловская) Т. Г. Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935; Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание. М.; Л., 1937; Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1952; Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., 1970; 2-е изд. пересмотр. и расшир. 1980; 3-е изд. стереотип. 1983, 1986; её же: «Храни меня, мой талисман...» // Прометей: Альм. М., 1974. Вып. 10; Левина Ю. И. Болдинские рисунки Пушкина 1830 г. Горький, 1976. С. 30–31; Жуйкова Р. Г. Автопортреты Пушкина: (Каталог) // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985; её же: Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. 428 с. (Stud. slavicae monumenta; Т. 7); Керцелли Л. Ф. Мир Пушкина в его рисунках. М., 1983; Фомичев С. А. Рисунки Пушкина и творческий процесс // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. Вып. 22. С. 5–15; Денисенко С. В. Эротические рисунки Пушкина. М., 1997. С. 69–157.

² Цявловская Т. Г. Западные писатели в рисунках Пушкина // Культура и жизнь. 1959. № 2. С. 55–58; Рисунки Пушкина. М.: Искусство, 1986. С. 113, 116. Впервые воспр. (весь лист): Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина // Пушкин А. С. Соч. СПб., 1885. Т. 1. Прилож. VII.

«Драматические сцены»

Сомнительной данная атрибуция мне представляется потому, что, кроме облысевшего черепа, сходство между привычными портретами английского драматурга и рисунком Пушкина довольно отдаленное, а явно карикатурная манера изображения невольно наводит на предположение, что перед нами скупой рыцарь, тем более что он стоит рядом с другим облаченным в латы рыцарем, в котором можно признать его сына Альбера.

Можно допустить, что карикатурные ассоциации с Шекспи-

ром созвучны пародийному отношению Пушкина к драматической традиции, к которой принадлежат «маленькие трагедии». В этом драматическом цикле Пушкина обозначилось своеобразное стремление преодолеть авторитет британского гения, который безусловен в русской драме «Борис Годунов». Поиск самобытных решений проблем отечественного театра, вопросы театральной сценичности в поэзии — вот то, что волновало Пушкина Болдинской осенью 1830 года. Расширяя свой творческий поиск, он обращается к мольеровским мотивам в «Скупом рыцаре» и «Каменном госте», включает текстуальные заимствования из «Dramatic Scenes» Барри Корнуола³. Но пушкинский отход в сторону большей лаконичности, эргономичности, краткости, простоты изображения и формы еще не говорит об отказе от уроков Шекспира, тем более о желании русского поэта непременно посмеяться над своим недавним кумиром в глумливой карикатуре. Соответствия / несоответствия формы и содержания «Маленьких трагедий» Пушкина и «Scenes» Корнуола привели исследователей к выводу, что «оба автора исходили из шекспировской манеры, но конечный итог их «драматических изучений» принципиально различен. «Scenes» Корнуола дали, видимо, толчок Пушкину, приведший его к усовершенствованию и завершению уже ранее задуманной драматической системы, но не оказали значительного влияния своей формой»⁴. Тем более, что опыт ра-

³ Перечень литературы см. в статьях: Томашевский Б. В., Вольперт Л. И. Мольер // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии» / Отв. ред. В. Д. Рак. СПб., 2005. С. 209–211; Рак В. Д. Корнуолл. Там же. С. 174–175.

⁴ Луков Вл. «Маленькие трагедии» А. С. Пушкина и «Dramatic scenes» Бари Корнуола // Русская литература: генезис диалога с европейской культурой : Научная монография / Отв. ред. Вал. А. Луков. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. С. 64.

боты над «маленькой трагедией» Пушкин уже осуществил ранее, а именно в написанной в 1825 г. сцене, позже вошедшей в трагедию «Борис Годунов» «Ночь Сад. Фонтан», которая, как и сцена «Замок воеводы Мнишка в Самборе», пронизана колоритом «Ромео и Джульетты» Шекспира⁵.

Б. В. Томашевский весьма точно раскрыл характер разработки Пушкиным мольеровских сюжетов в «маленьких трагедиях»: «Исходным пунктом для драматических опытов Пушкина был театр... из пьесы французского драматурга берется лишь сюжет в его наиболее общих чертах, две-три драматические ситуации чисто сценического порядка, и совершенно изменяется система характеристики героев»⁶.

Подобным образом Пушкин стремился не подражать, а развивать художественные открытия Шекспира. Исследователи давно отметили прямую связь многих мест из «маленьких трагедий» с пьесами английского драматурга. Так, на сходство пушкинского «Каменного гостя» и шекспировской трагедии «Ричард III» еще в 1841 году указал С. П. Шевырев⁷, а затем Б. В. Томашевский⁸, А. А. Ахматова⁹, В. М. Волькенштейн¹⁰. Н. В. Беляк и

⁵ Названную сцену сравнил с «маленькими трагедиями» А. Слонимский: «Сцена Дмитрия с Мариной... благодаря исчерпывающему развитию темы и крепкому финалу, образующему развязку, принимает характер «маленьких трагедий»». Слонимский А. Л. Мастерство Пушкина. М., 1959. С. 490.

⁶ Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л.: Советский писатель, 1960. С. 309. Ср. его же: «Маленькие трагедии» Пушкина и Мольер // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. [Вып.] 1. С. 115–133.

⁷ Шевырев С. Сочинения А. Пушкина. Томы 9, 10 и 11 // Москвитянин. 1841. Ч. V. № 9. С. 246.

⁸ Томашевский Б. В. Указ соч. С. 312.

⁹ Ахматова А. А. ««Каменный гость» Пушкина» // Пушкин. Исследования и материалы. Т. II. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1958. С. 189.

М. Н. Виролайнен отметили характерное использование шекспировской техники «заключительного вопроса», которая связывает «Каменного гостя» с шекспировскими «Гамлетом» и «Мерой за меру»¹¹. Подражанием шекспировской фантастике объяснил А. А. Белый смысл чудесного кивка головы статуи Командора в ответ на приглашение Дон Гуана в «Каменном госте»¹².

Параллельные места из произведений Шекспира отмечались исследователями и в «Скупом рыцаре». Первым шекспировское присутствие отметил еще В. Г. Белинский¹³. И. С. Тургенев в письме к П. В. Анненкову от 2 февраля 1853 года процитировал стихи о совести из монолога Скупца:

Когтистый зверь скребущий сердце, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,
Заимодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают.

Ему показалось, что они написаны в «чистой английской, шекспировской манере»¹⁴.

Н. О. Лернер привел несколько мест из пьес Шекспира, таких как мрачный образ могил, извергающих мертвецов, который встречается у Пушкина неоднократно, что дает основание видеть в его

¹⁰ Волькенштейн В. М. Драматургия. Изд. испр. и доп. М.: Советский писатель, 1960. С. 73.

¹¹ Беляк Н. В., Виролайнен М. Н. «Маленькие трагедии» как культурный эпос новоевропейской истории (Судьба личности – судьба культуры) // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XIV. Л.: Наука, 1991. С. 107.

¹² Белый А. «Отшельники хвалы ему поют» («Каменный гость») // Московский пушкинист. Вып. II. М.: Наследие, 1996. С. 70–71.

¹³ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. 7. С. 563.

¹⁴ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. II. М.; Л.: Наука, 1961. С. 121.

поэзии шекспировский след, восходящий к «Макбету» (д. III, сц. 4), «Буре» (д. V, сц. 1) и «Гамлету» (д. I, сц. 4)¹⁵. В монологе Гамлета упоминается «тот колдовской час ночи, когда гроба зияют и зарзой ад дышит в мир» (д. III, сц. 2), во II части хроники «Король Генрих IV» описывается зловещая ночь, когда «призраки разверзают свои могилы (д. I, сц. 4). Дважды мотивы разверзающихся могил повторяются в «Юлии Цезаре» (д. I, сц. 3 и д. II, сц. 2). «Воображение Пушкина, — говорит Н. О. Лернер, — восприняло это создание Шекспирова воображения. Наш поэт обогатил пленивший его образ одною деталью, еще живее и мрачнее: у него могилы «смущаются»¹⁶. Ю. Д. Левин сравнивал поэтику метафоры Пушкина с поэтикой Шекспира и «английского маньеризма»¹⁷, А. Долинин указал на сходство фрагмента из монолога барона со второй сценой пятого акта «Сна в летнюю ночь» Шекспира¹⁸. Т. Шоу подробнейшим образом рассмотрел многочисленные связи «Скупого рыцаря» с «Венецианским купцом»¹⁹. И несмотря на то, что обычно «пушкинская пьеса сравнивается, прежде всего, со

¹⁵ Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. Л.: Прибой, 1929. С. 218–220.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Левин Ю. Д. Метафора в «Скупом рыцаре» // Русская речь. 1969. № 3. С. 17–20. Ср.: Левин Ю. Д. Шекспир и русская литература XIX века. Л., 1988. С. 54–56. Перевести «Сон в летнюю ночь» на русский язык рекомендовал А. Ф. Вельтману не кто иной, как Пушкин. См.: Левин Ю. Д. «Волшебная ночь» А. Ф. Вельтмана: Из истории восприятия Шекспира в России // Русско-европейские лит. связи. М.-Л., 1966. С. 83–92.

¹⁸ Долинин А. Заметка к проблеме «Пушкин и Шекспир»: (О подзаголовке «Скупого рыцаря») // Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 183. Исследователь также указал на сходство с переводом Ф. И. Тютчева, опубликованным в 1833 г., где появился образ месяца, отсутствующий в оригинале: «Все кладбища сей порой, / Из зияющих гробов, / В сумрак месяца сырой / Высылают мертвецов!..» В. Скотт воспроизвел Песню Пака в эпиграфе к XV гл. романа «Вудсток».

¹⁹ Шоу Т. Поэтика неожиданного у Пушкина. Нерифмованные строки в рифмованной поэзии. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 382.

«Скупым» Мольера, а Шекспир привлекается главным образом в связи с некоторыми образами в длинном – и совершенно не шейлоковском – монологе барона (сцена 2)», исследователь доказал, «что Пушкин опирался на шекспировского “Венецианского купца” более разнообразно»²⁰. В частности, это проявилось в использовании тавтологических рифм в первой сцене «Скупого рыцаря», схожей со сценами «Венецианского купца» (акт 1, сцена 3; акт 2, сцена 1; акт 2, сцена 8 и особенно заключительная, стихотворная сцена, акт 5, сцена 1). Т. Шоу раскрыл и проанализировал основные мотивы, объединяющие обе пьесы, досконально описал сходство и различие в концепциях характеров главных героев, в их мировоззрении, в их отношениях с другими персонажами, в подробнейшем анализе рифмованных отрывков и рифмопар «Скупого рыцаря» он обнаружил связь этой пушкинской «трагикомедии» с другим «шекспировским» произведением Пушкина — драмой «Борис Годунов», точнее с первым рифмованным отрывком ее одиннадцатой сцены²¹.

«Яркую печать шекспиризма» усматривал в “Моцарте и Сальери” М. М. Покровский: «Убийца Моцарта должен, в конце концов, поплатиться жесточайшими угрызениями совести за свое деяние»²². Исследователь видит в поступке Сальери не проявление банальной зависти, а месть Моцарту за то, что своей безграничной гениальностью он уничтожает всех ремесленников и поденщиков от искусства. Схожую идею Покровский обнаруживает в «Венецианском купце» Шекспира: педантичный Шейлок, «руководствуясь инстинктом самосохранения, мстит благодушному гуляке купцу

²⁰ Там же. С. 367.

²¹ Там же. С. 379.

²² Покровский М. М. Шекспиризм Пушкина // Пушкин А. С. Сочинения. Т. 4. СПб., изд. Брокгауза-Ефрона, 1910. С. 1–20.

Антонио, поскольку его профессиональное бескорыстие и щедрость, приносят убытки еврею-ростовщику:

Вот истинно на вид слащавый мытарь!
Он ненавистен мне как христианин,
Но больше тем, что в жалкой простоте
В займы дает он деньги без процентов
И курса рост в Венеции снижает.
Ох, если б мне ему вцепиться в бок!
Уж я вражду старинную насыщу.
Он ненавидит наш народ священный
И в сборищах купеческих поносит
Меня, мои дела, барыш мой честный
Зовет лихвой. Будь проклят весь мой род,
Коль я ему прощу! (д. I, сц. 3)²³

И, наконец, М. М. Покровский делает вывод, «что самую тему о зависти Пушкин разработал приблизительно, как Шекспир в “Макбете” – как тему честолюбия: человек долгое время живет безупречно, не подозревая, что в один прекрасный момент им может завладеть страсть, ему самому противная и мучительная. Пушкин представил вместе с тем, при каких условиях преступная страсть вспыхнула в душе Сальери: в сущности, душевная жизнь его не полна, в ней много пустоты, лишь еле-еле прикрытой скромным профессиональным успехом, который вдобавок дался в результате упорнейшего труда и горьких разочарований. Это душевное утомление увеличивается, кроме того, тяжелыми воспоминаниями о самоубийстве единственной женщины, которую любил Сальери, — Изоры»²⁴.

²³ Шекспир У. Венецианский купец. Перевод Т. Щепкина-Куперник. // Полн. собр. соч. в 8 т., М., 1958. С. 224–225.

²⁴ Покровский М. М. Указ. соч. С. 15–16.

В свою очередь, Б. П. Городецкий соотнес известное замечание Пушкина о ревности Отелло со словами Сальери²⁵:

Кто скажет, чтоб Сальери гордый был
Когда-нибудь завистником презренным,
Змеей, людьми растоптанною, вживе
Песок и пыль грызущею бессильно?
Никто!... (VII, 124)²⁶.

Интересное замечание по поводу проблемы совместимости «гения и злодейства» сделала М. Косталевская в статье «Дуэт, диада, дуэль. («Моцарт и Сальери»)». Рассматривая этический и поэтический антагонизм Моцарта и Сальери, исследовательница делает вывод: «В русском самосознании поставленный Пушкиным вопрос о гении и злодействе занимает место, сходное по своей актуальности с тем, которое занимает в западном сознании вопрос, поставленный Шекспиром: «To be or not to be». Если для Гамлета эта проблема звучит испытанием свободы человека как нравственного существа, то, например, для Альберта Камю она представляет собою испытание свободы человека как живущего существа»²⁷.

²⁵ Городецкий Б. П. Драматургия Пушкина. М. ; Л.: Изд. АН СССР, 1953.

²⁶ Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, цитаты и ссылки на тексты Пушкина с указанием тома (римской цифрой), страницы (арабской цифрой) даются по: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. I–XVI. Москва — Ленинград: Изд. АН СССР, 1937–1959, с указанием года, тома (римской цифрой), страницы (арабской цифрой) по: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / Изд. 4–е. Л.: Наука, 1977–1979. В необходимых случаях по прижизненным изданиям и рукописям в цитируемых текстах Пушкина восстановлена заглавная буква.

²⁷ Косталевская М. Дуэт, диада, дуэль. («Моцарт и Сальери») // Московский пушкинист. Вып. II. М.: Наследие, 1996. С. 55.

Л. И. Вольперт, указывая на тот факт, что Стендаль посвятил свои лучшие произведения «to the happy few» («немногим счастливым»), проводит параллель с фразой Моцарта, уже испившего яд: «Нас мало избранных, счастливых праздных» (VII, 133), и приходит к выводу, что обе фразы имеют прямое отношение к словам Генриха V и заимствованы из одноименной хроники Шекспира (акт 4, сцена 3)²⁸.

Связь маленьких трагедий с произведениями Шекспира не пародийна и не предполагает карикатуру на британского поэта.

А как быть с гипотетическим утверждением сходства с Шекспиром фигуры на титульном листе рукописи «Драматических сцен»? При отсутствии прижизненных портретов поводом для подобных предположений может стать любой типовой признак, почерпнутый из более или менее авторитетного изображения.

Изрисованный лист 28 ПД 831 (см. *рис. 2*)²⁹ так называемой первой кишиневской тетради, которую поэт стал заполнять в 1821 году, содержит черновой набросок одной строфы стихотворного послания «Чедаеву»³⁰, стихотворения и запись плана сюжета «Гавриилиады» («Святой дух призвав Гавриила описывает ему свою любовь и производит в сводники [Гавриил влюблен] Сатана — и Мария»), мужскую и женскую фигуры, три женских (возможно, сестры Мария и Софья Раевские), шесть мужских и один затуше-

²⁸ Вольперт Л. И. Пушкин и Стендаль. К проблеме типологической общности. // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XII. М.; Л.: Наука, 1986. С. 222.

²⁹ Пушкин А. С. Сюита портретов, 1821 // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17 т. М.: Воскресенье, 1994–1996. Т. 1–19. Т. 18 (дополнительный). Рисунки. 1996. С. 172.

³⁰ Об отношении Пушкина и Чаадаева см.: Тарасов Б. Н. А. С. Пушкин и П. Я. Чаадаев // Литература в школе. 1984. № 3. С. 55–60; его же: В мире человека. М.: Современник, 1985.

ванный профили³¹. Композиционно портретные профили и женская фигура сгруппированы вокруг и внутри мужского портрета, в котором узнается великий Гете. Вне этой композиционной группы в левом верхнем углу нарисована фигура идущего и обернувшегося молодого человека, в котором можно увидеть сходство с Шекспиром: высокий лоб, спадающие на плечи длинные волосы, слегка одутловатое лицо, характерный рисунок бровей и носа, знакомые по известной гравюре Мартина Дройсхута (1601 – ок. 1650), напечатанной в Первом фолио (1623). В сравнении с этим портретом пушкинский герой явно моложе. У него нет бородки — только усы. Он — скорее актер и поэт, но еще не увенчанный славой драматург. На мой взгляд, из творческой тетради на нас оглядывается юный Шекспир. Омоложение Шекспира в рисунке Пушкина представлено столь же виртуозно, как в его автопортретах, когда он вообразил себя стареющим и постаревшим.

Исследователи отмечали, что «насыщенность автоиллюстрациями» в черновых и беловых автографах чаще всего появлялась в тех произведениях поэта, которые наиболее волновали его самого (например, «Полтава», «Тазит», «Медный всадник», «Домик в Коломне», «Анджело»)³². С. М. Бонди выявил своеобразную закономерность заполнения рабочих тетрадей, согласно которой изобразительный ряд обусловлен содержанием текста и всегда вызван

³¹ «Если случится, что профиль не удался (редкий случай!), художник не исправляет его, а небрежно перечеркивает так легко, как мгновение назад создал. Рядом повторяет его уже безошибочно». Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. С. 7.

³² Фомичев С. А. Рисунки Пушкина и творческий процесс // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. Л.: Наука, 1988. Вып. 22. С. 8.

личным переживанием творчества как автобиографического события³³.

Рисунок 2.

³³ Бонди С. М. Новые страницы Пушкина. М., 1931. С. 14. Бонди С. М. Черновики Пушкина. М., 1971. С. 14.

Если принять портретную атрибуцию Т. Г. Цявловской, то можно говорить о некоей галерее шекспировских портретов, состоящей как минимум из двух изображений.

Многие исследователи считают, что знакомство Пушкина с произведениями Шекспира произошло в начале 20-х годов, хотя его интерес к Шекспиру мог возникнуть значительно раньше: в лицейские годы на лекциях А. И. Галича (1783-1848), который много говорил и писал о Шекспире³⁴.

Восстанавливая замысел неоконченной лицейской поэмы Пушкина «Бова Королевич» (1814), отрывок которой пятнадцатилетний поэт впервые прочитал на уроке словесности профессора А. И. Галича, В. А. Кошелев обнаруживает гамлетовский след³⁵. Казалось бы, какое отношение может иметь этот лубочный персонаж к теме «Гамлет в русской литературе»?

Задуманная по образцу «Ильи Муромца» Н. М. Карамзина (1766-1826) и написанная белым стихом, «богатырская» поэма была основана на сюжете знаменитого русского лубка «Сказки о сильном и славном богатыре Бове Королевиче и о прекрасной королевне Дружневне и о смерти отца его Гвидона»³⁶. В. А. Кошелев показывает, что в пушкинском «отрывке из поэмы» использованы два сюжетных мотива лубочной сказки — «мотив убийства закон-

³⁴ Галич был одним из первых последователей Шеллинга в России, служил адъюнкт-профессором философии Петербургского университета (1819-21), отстранен от преподавания по обвинению в «пренебрежении к властям» и безбожии.

³⁵ См.: Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 60, 67; Цявловский М. А. «Бова (Отрывок из поэмы)» // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 90–104.

³⁶ Сказания про храброго витязя, про Бову Королевича (Библиотека старорусских повестей Б. И. Дунаева). М., 1913. Ср. с неоконченной поэмой А. Н. Радищева «Бова. Повесть богатырская стихами» (1799–1802): Радищев А. Н. Сочинения. М., 1988. С. 383–384.

ного царя “Бендокира *Слабоумного*” (так Пушкин поименовал короля Гвидона) и мотив “призрака старого венценосца” (который является “Зое, молодой девице” — так в поэме именуется “девка-чернавка”))³⁷. «Вычленение этих мотивов сразу выявляет неожиданную и, вероятно, не вполне осознанную самим Пушкиным связь “Бовы” с шекспировским “Гамлетом”. Царь Дадон (“тиран неусыпный”) играет сюжетную роль Клавдия; Милитриса (“милая женка Бендокирова”) — роль Гертруды, а Бова (“принц крови, сын царский”) — Гамлета. Сходство сюжетной ситуации довершается явлением “призрака отца”³⁸.

Благодаря нескладным остротам юного Пушкина, сюжет «Бовы» «повернут совсем в “негамлетовскую” сторону. Условное “шекспировское” начало затемняется элементами юношеской, неумелой еще, сатиры»³⁹. Исследователь имеет в виду снижение шекспировского пафоса описанием внешнего вида «слабоумного призрака»:

Венценосца с длинной шапкою,
В балахоне вместо мантии,
Опоясанный мочалкою,
Вид невинный, взор на выкате,
Рот разинут, зубы скалятся,
Уши длинные, ослиные
Над плечами громко хлопают... (1, 68-69)

Поведение тени «Бендокира *Слабоумного*» и вовсе кажется странным, когда он «отдает Зоиньке не “слабый” приказ: сесть в темницу («в жилище мрачное») вместо Бовы — и “Милитрисина

³⁷ Кошелев В. А. Первая книга Пушкина. Томск: Водолей, 1997. С. 50.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 50–51.

служаночка”, только что исполненная эротических мечтаний о “Светозаре, паже царском”, соглашается»⁴⁰. В безумных указаниях этого призрака прослеживается какая-то особая глубина и мудрость сродни той, которую в симулируемом помешательстве проявлял Гамлет Шекспира и Саксона Грамматика.

Так лубочный сюжет, получивший свое распространение в русском простонародье как раз в шекспировские времена (XVI-XVII вв.), странным образом сближается с трагической историей принца Датского⁴¹.

Шекспир постоянно возникал в жизни Пушкина. Так, во время путешествия на Кавказ и в Крым совместно с семьей героя Отечественной войны генерала Н. Н. Раевского в 1820 году, поэту довелось общаться с его дочерьми-англоманками, которые читали Шекспира по-английски и повлияли на его интерес к английскому языку и к британскому гению.

Исследователи усматривают влияние Шекспира в стихотворении 1821 года «Кинжал»⁴², Шекспир был на слуху в литературном быту, в книгах и журналах, но в текстах Пушкина имя Шекспира впервые встречается в полицейской выписке из недошедшего до нас письма, отправленного, как считают одни исследователи, П. А. Вяземскому, как полагают другие, — В. К. Кюхельбекеру: «читая Шекспира и Библию, святой дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. — Ты хочешь знать, что я делаю

⁴⁰ Там же. С. 51.

⁴¹ Почти сразу отказавшись от завершения поэмы «Бова», Пушкин возвращался к ее сюжету в течение всей своей жизни (в 1822-м, 1825-м, в 1834-м и в 1835-м годах), но так и не реализовал ее замысла.

⁴² Немировский И. В. Идеиная проблематика стихотворения Пушкина «Кинжал» // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XIV. Л.: Наука, 1991. С. 195–204.

— пишу пестрые строфы романтической поэмы — и беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать, *qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur*⁴³, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но к несчастью более всего правдоподобная» (XIII, 92). Именно этот отрывок из письма является первым документальным подтверждением факта пушкинского чтения Шекспира.

С этого момента началось систематическое изучение Пушкиным Шекспира: Оливия Эммет находит шекспировские образы в написанной в 1823 г. первой главе «Евгения Онегина». Исследовательница считает, что в стихах первой главы «Евгения Онегина»: «И заслужи мне славы дань — / Кривые толки, шум и брань!», можно услышать тайное или явное созвучие с английской строкой из шекспировской трагедии «Макбет»: «*Life's but a walking shadow? A poor player / That struts and frets his hour upon the stage / And then is heard no more / It is a tale / Today by an idiot? full of sound and fury, / Signifying nothing*». Пушкинские «шум и брань», по мнению О. Эммет, оказываются ближе к шекспировским «*full of sound and fury*», чем перевод этих строк, выполненный Борисом Пастернаком⁴⁴. «Нелепое звучание русского варианта говорит о внутренней глухоте современной культуры, — пишет исследовательница, — не только к шекспировскому образу, но и к опыту национальной традиции. Безупречным поэтическим слухом Пушкин воспринял те

⁴³ Пер.: «что не может существовать некий высший разум — творец и распорядитель» (*франц.*).

⁴⁴ Борис Пастернак так интерпретировал эти строки: «Жизнь сказка в пересказе / Глупца. Она полна трескучих слов / И ничего не значит».

воспринял те божественные звуки, которые нашептали Шекспиру монолог Макбета в финале трагедии»⁴⁵.

В XXXVIII строфе второй главы «Евгения Онегина», оконченной в Одессе 8 декабря 1823 года, Пушкин цитирует восклицание Гамлета над черепом шута «Poor Yorick!»⁴⁶:

Своим пенатам возвращенный,
Владимир Ленский посетил
Соседа памятник смиренный,
И вздох он пеплу посвятил;
И долго сердце грустно было.
«Poor Yorick!» — молвил он уныло, —
Он на руках меня держал». (VI, 48)

К этим стихам Пушкин делает примечание: «"Бедный Йорик!" — восклицание Гамлета над черепом шута (см. Шекспира и Стерна)» (VI, 162). Во втором случае имеется в виду эпитафия на могиле пастора Йорика в романе Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена»⁴⁷. Как отмечает М. П. Алексеев, Пушкин «воспроизвел вкратце то примечание, которое к восклицанию Гамлета дано во французском издании «Полного собрания сочинений Шекспира» 1821 г. под редакцией Ф. Гизо и А. Пишо»⁴⁸.

⁴⁵ Эммет О. «Евгений Онегин»: на английском языке (перевод как герменевтическая акция) // Пушкин и теоретико-литературная мысль. М., 1999. С. 248.

⁴⁶ В свое время Ю. М. Лотман видел в этом шекспировском восклицании при посещении могилы Ларина Ленским закономерный намек Пушкина на знаменитый прототип своего героя: «Ленский строит свое "я" по образцу личности Гамлета и перекодирует всю ситуацию в образах шекспировской драмы». См.: Лотман Ю. М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб.: Искусство–СПБ., 1995. С. 427.

⁴⁷ См. русский перевод: Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М.: Худож. лит., 1968. С. 50.

⁴⁸ Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л.: Наука, 1972. С. 242.

По этому же поводу В. Набоков писал: «Примечание Пушкина восходит непосредственно к исправленному Ф. Гизо и Амедеем Пишо изданию «Гамлета» в переводе Летурнера, которое было в библиотеке Пушкина (*Œuvres complètes de Shakespeare*, vol. 1. Paris, 1821), где примечание на страницах 386–87 гласит: «Увы, бедный Йорик!» Все помнят и главу Стерна, где он цитирует эти слова Гамлета, и как в «Сентиментальном путешествии» [пер. Ж. П. Френэ, 1769] он, кстати, дал “самому себе имя Йорика”»⁴⁹. Данные суждения явно не исчерпывают предмет разговора: восклицание Гамлета имело место прежде всего в тексте Шекспира («*Alas, poor Yorick!*»), и Ленский цитирует «Гамлета» не на французском, а на английском языке. В конце концов не столь важно, с чьей подачи Пушкин впервые процитировал Шекспира, важно то, что он это сделал на английском языке, что обозначило его интерес к оригинальным текстам британского драматурга уже на раннем этапе своего творчества.

Французское издание Шекспира 1821 г. было, возможно, основным источником, по которому Пушкин начал изучать пьесы великого драматурга. Когда именно поэт к нему обратился, не известно⁵⁰. Л. П. Гроссман предположил, что с этим изданием поэт

⁴⁹ Набоков В. В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / Пер. с англ.; ред. А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 1999. С. 306.

⁵⁰ В библиотеке Пушкина также сохранился том лейпцигского издания драматических сочинений Шекспира на английском языке. Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина: Библиографическое описание // Пушкин и его современники. Вып. IX–X. СПб., 1910. С. 338. Текст этого издания печатался по редакции С. Джонсона, Дж. Стивенса и И. Рида. В приложении содержалась работа А. Скоттове «Жизнь автора», сборник поэм и критический глоссарий. *Shakspeare, William. The Dramatic Works of Shakspeare, printed from the text of S. Johnson, G. Steevens, and I. Reed. (An Appendix ... Contents: The Life of the Author by A. Skottowe; his Miscellaneous Poems; A Critical Glossary, etc.).* Leipsic, 1824 — Библиотека П. № 1390. По предположению М. П. Алексеева,

мог ознакомиться еще в одесской библиотеке гр. М. С. Воронцова⁵¹. Большинство прозаических переводов Шекспира были сделаны Летурнером еще в XVIII в., исправлены позже Ф. Гизо и А. Пишо⁵²; Ф. Гизо также принадлежала большая вводная статья «Жизнь Шекспира», которая особенно заинтересовала Пушкина. Поэт тщательно изучил по ней не только биографию, но и драматургические принципы Шекспира⁵³. Так, например, Ф. Гизо утверждал, что корни драмы лежат в народных представлениях и развлечениях. По этому поводу М. П. Алексеев замечает: «Сходную мысль мы неоднократно встречаем и у Пушкина, в частности, в начале его незаконченной статьи о «Марфе Посаднице» М. П. Погодина («Драма родилась на площади и составляла увеселение народное» и т. д.; XI, 178), по-своему уличив таким образом Пушкина в вольном или невольном плагиате. Существенными для Пушкина были характеристики исторических хроник Шекспира, их жанровые особенности, их зависимость от английских исторических источников (в частности, от хроники Холиншеда). К лучшим страницам статьи Гизо, внимательно прочитанным Пушкиным, относятся также критические замечания о “широком изложении” типических характеров в произведениях Шекспира»⁵⁴. Очевидно, что, начав в конце 1824 года работу над созданием русской трагедии «Борис Годунов», Пушкин в основном руководствовался своими

поэт приобрел его значительно позже даты издания. На бездоказательный характер этой гипотезы указал американский исследователь Т. Шоу. См.: Шоу Т. Указ. соч. С. 332.

⁵¹ Гроссман Л. П. Пушкин. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 257.

⁵² Алексеев М. П. Указ соч. С. 244.

⁵³ Подробнее о статье Ф. Гизо «Жизнь Шекспира» см.: Реизов Б. Шекспир и эстетика французского романтизма. («Жизнь Шекспира» Ф. Гизо) // Шекспир в мировой литературе. М. ; Л.: Худож. лит., 1964. С. 157–197.

⁵⁴ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 260.

собственными представлениями о драме, которые он обсуждал в письмах и разговорах с друзьями П. А. Вяземским, В. Кюхельбекером, Н. Н. Раевским–сыном, А. А. Дельвигом. Несколько месяцев спустя Пушкин выписывает к себе в Михайловское книгу по истории драматургии А.–В. Шлегеля⁵⁵. Французский перевод книги Шлегеля содержит главы, посвященные Шекспиру⁵⁶. Хотя до нас дошел презрительный отзыв Пушкина о немецких романтиках, приведенный в мемуарах Ксенофонта Полевого⁵⁷, но «в чисто художественном отношении для Пушкина не могла пройти незамеченной попытка Шлегеля мотивировать жанровые особенности шекспировского театра, смесь комического с трагическим, стихов с прозой, исходя из самого «духа романтизма». Большое значение для Пушкина могли иметь сочинения госпожи де Сталь, «писательницы, в свою очередь находившейся под влиянием идей немецких критиков и эстетиков, в частности того же Шлегеля»⁵⁸. Так, в книге г-жи де Сталь «О литературе» Шекспиру посвящена отдельная глава, а в посмертной книге «Десять лет изгнания» (1821) Россия как великое историческое явление сопоставлялась с шекспировской пьесой⁵⁹.

В «Борисе Годунове» Пушкин впервые использует чередование прозы и стихов. Эта смена стихов и прозы, которая стала одним из важнейших признаков драматической структуры «Бориса

⁵⁵ См. письма к брату Л. Пушкину от 14 марта, 22 и 23 апреля 1825 года (XIII. С. 151, 163).

⁵⁶ Schlegel. A. W. Cours de littérature dramatique. 3 vols. P. ; Genève, 1814.

⁵⁷ Полевой Кс. А. Записки. СПб., 1888. С. 199.

⁵⁸ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 248.

⁵⁹ Staël. G. de Dix années d'exil. Ed. Nouvelle. P., 1904. P. 300.

Годунова»⁶⁰, определенно указывает на прямое влияние Шекспира. При этом мы должны исключить возможность опосредованного заимствования из французского издания Шекспира 1821 года, выполненного в прозаических переводах Летурнера с исправлениями Ф. Гизо и «хорошего знатока всех английских идиом английской речи» А. Пишо⁶¹. Г. О. Винокур отметил характерную особенность стиля английского драматурга: «у Шекспира прозаические сцены являются чаще комическими и играют по отношению к основному действию трагедии роль “второго плана”, не только в отношении языка, но и тематически. Часто эти комические сцены совершенно не связаны с сюжетом трагедии и являются своего рода интермедиями»⁶². Построенные почти исключительно на игре одним речевым материалом — на бесконечных, иногда утомительных каламбурах, на «стрельбе пословицами», на диалектизмах, иноязычной речи и т. п., эти интермедии создают поразительный драматический эффект, который метко подметил Август Шлегель, чьи слова из сочинения «Cours de littérature dramatique, traduit de l'allemand par m-me Necker de Saussure» (Paris–Geneve, 1814, t. II, p. 174–175) привел Г. О. Винокур.

Доподлинно неизвестно, когда Пушкин приступил к занятиям английским языком. Противоречивость свидетельств пушкинских современников не способствует ясному ответу на этот вопрос. Например, Т. Шоу «без сомнения» считает лучшим источником информации на этот счет свидетельство в 1851 г. сестры поэта Ольги

⁶⁰ Винокур Г. О. Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина. М.: Лабиринт, «Брандес». 1999. С. 331.

⁶¹ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 244.

⁶² Винокур Г. О. Указ. соч. С. 331.

Павлищевой⁶³, со слов которой П. В. Анненков написал: «Когда у сестры была гувернанткой англичанка (М-ме Бели), то он учился и по-английски, но без успеха»⁶⁴.

Вопрос, насколько можно доверять этому утверждению родной сестры поэта, возникает, потому что оно противоречит свидетельству отца поэта Сергея Львовича Пушкина, который утверждал, что Александр ко времени поступления в лицей, «уже этот язык знал, как знают все дети, с которыми дома говорят на этом языке»⁶⁵. Конечно, критерий в оценке познаний кого-либо в иностранном языке мог быть разным — требовательным у сестры, которая, кажется, свободно владела английским языком, и менее строгим у родного отца. К тому же, эти свидетельства важны для нас, в первую очередь, как доказательство нашего предположения, что Пушкин рано стал соприкасаться с английским языком, гораздо раньше, чем это принято считать в русской пушкинистике. В этой связи, для нас совсем не важен вопрос, насколько свободно Пушкин владел английским языком в детстве и отрочестве, — главное, что он уже получил первоначальные уроки этого языка из уст его носителя, и они пригодились ему в самообразовании, поскольку в лицее английский не преподавался.

Говоря о роли, которую в творческой эволюции Пушкина занимали Англия, англичане, английский язык и английская литература, А. А. Долинин мельком отмечает юношеский оссианизм

⁶³ Шоу Т. Указ. соч. С. 331.

⁶⁴ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. СПб.: Академический проект, 1998. Т. 1. С. 32–33.

⁶⁵ Там же. С. 428.

Пушкина, однако, как полагает исследователь, он «не имел никакой специфически британской окраски»⁶⁶.

В изучении языка Пушкину могли помочь беседы с английским врачом Уильямом Хатчинсоном (W. Hutchinson — «Гутчинсон»)⁶⁷, о которых нам известно из злополучного письма поэта к П. А. Вяземскому или В. К. Кюхельбекеру (апрель-май 1824 года), ставшего причиной его Михайловской ссылки. К сожалению, нам доподлинно не известно, «чтобы он обсуждал или читал с ним Шекспира, тогда или позже»⁶⁸.

По мнению П. В. Анненкова, в 1823–1824 гг. «Пушкин успел выучиться на юге по-английски и по-итальянски и много читал на обоих языках»⁶⁹. Но тогда не понятно самокритичное недовольство Пушкина своими познаниями в английском, когда в письме к кн. П. А. Вяземскому от 25 ноября 1825 года, сразу после окончания «Бориса Годунова», поэт отчаянно писал: «Мне нужен англ. яз. — и вот одна из невыгод моей ссылки: не имею способов учиться, по-

⁶⁶ Долинин А. А. Пушкин и Англия // Всемирное Слово: Международный журнал. № 14. Л., 2001. С. 44.

⁶⁷ См.: Анненков П. В. Пушкин в александровскую эпоху (1799—1826). СПб., 1874, с. 260—261; Соч. и письма А. С. Пушкина. Под ред. П. О. Морозова. Т. VIII. СПб., «Просвещение», [1906], с. 441 (комментарий П. О. Морозова почти дословно повторен в издании: Пушкин А. С. [Соч.]. Под ред. С. А. Венгерова. Т. VI. СПб., 1909, с. 534); Алексеев М. П. Материалы для биографического словаря одесских знакомых Пушкина. Одесса, 1926, с. 50—51; Модзалевский Б. Л. К истории ссылки Пушкина в Михайловское, с. 67—94; Гроссман Л. Кто был "умный афей"? // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — [Вып.] 6. — С. 414—419; Struve G. Marginalia Puschkiniana: Pushkin's «only intelligent Atheist». — *Modern Language Notes*, 1950, May, p. 300—306; Аринштейн Л. М. Одесский собеседник Пушкина // Временник Пушкинской комиссии, 1975 / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. — Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1979. — С. 58—70.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. М.: ТЕРРА-Кн. клуб, 1999. С. 89–90.

ка пора» (XIII, 243). По-видимому, смена Южной ссылки на Михайловскую помешала поэту продолжить изучение английского, прервав его в самом разгаре.

О том, что Пушкин был знаком с английскими текстами ещё до создания трагедии «Борис Годунов» (1825), говорил в комментариях к драме Г. О. Винокур⁷⁰. Исследователь привел в доказательство отсутствие во французском переводе Летурнера характерного шекспировского чередования в тексте стихов и прозы, которое есть в пушкинской драме.

Нет сомнения в том, что Пушкин обладал особой способностью к изучению иностранных языков, — тому есть много свидетельств современников. Французский язык для русского поэта являлся вторым родным, во время южной ссылки Пушкин учился говорить по-молдавски в Кишиневе и по-итальянски в Одессе⁷¹. В бумагах поэта сохранились опыты изучения иврита, древнегреческого, арабского, английского и немецкого языков. Вероятно, Пушкин принялся изучать английский язык еще во время путешествия в Крым в 1820 году. Так, по сведениям П. И. Бартенева, в доме, построенном герцогом Ришелье в Гурзуфе, который принадлежал семье генерала Раевского, «нашлась старинная библиотека, в которой Пушкин тотчас отыскал сочинения Вольтера и начал их перечитывать. Кроме того, Байрон был почти ежедневным его чтением; Пушкин продолжал учиться по-английски, с помощью Раевского сына...»⁷². Еще более интересным является продолжение этого свидетельства: «Пушкин часто разговаривал и спорил с старшею

⁷⁰ Винокур Г. О. Комментарий к «Борису Годунову» // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. VII. Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 489.

⁷¹ Вересаев В. Сочинения: В 4-х т. Т. 2. М., 1990. С. 164, 214.

⁷² Там же. С. 135.

Раевской о литературе. Стыдливая, серьезная и скромная Елена Николаевна, хорошо зная английский язык, переводила Байрона и Вальтер-Скотта по-французски, но втихомолку уничтожала свои переводы. Брат сказал о том Пушкину, который стал подбирать клочки изорванных бумаг и обнаружил тайну. Он восхищался этими переводами, уверяя, что они чрезмерно верны»⁷³. Выходит, что уже к этому времени Пушкин настолько хорошо овладел английским языком, что мог оценить точность переводов, выполненных Е. Н. Раевской. Интересно уточнение, которое сделала Екатерина Николаевна, когда в печати появились сведения, «будто Пушкин учился в Юрзуфе под ее руководством английскому языку». По ее словам, такие отношения были просто невозможны: «Ей было в то время 23 года, а Пушкину 21, и один этот возраст, по тогдашним строгим понятиям о приличии, мог служить достаточным препятствием к такому сближению. По ее замечанию, все дело могло состоять разве только в том, что Пушкин с помощью Н. Н. Раевского в Юрзуфе читал Байрона и что когда они не понимали какого-нибудь слова, то, не имея лексикона, посылали наверх к Катерине Николаевне за справкой»⁷⁴. В. Набоков усомнился в возможности глубокого изучения английского языка Пушкиным в период его пребывания в доме Раевских в 1820 году, но в то же время он отказывает поэту вообще в способности к усидчивому обучению: «Девушки Раевские (познавшие английский от гувернантки), которые преподают в беседках и гротах язык Байрона старательному, хотя и охваченному любовью Пушкину, — это легкая форма галлюцина-

⁷³ Там же.

⁷⁴ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1–2. Т. 1. СПб.: Академический проект, 1998. С. 211.

ций у русских редакторов»⁷⁵. Автор явно утрирует ситуацию: сестры Раевские играли в пушкинском самообучении английскому языку достаточно важную роль «ходячего словаря» и помогали ему разобраться в значении незнакомых слов, что еще раз дает основание предположить его начальное знакомство с английским языком, состоявшееся еще благодаря англичанке Бели — гувернантке сестры поэта Ольги Пушкиной (в замужестве Павлицевой).

Приводя примеры «борьбы нашего поэта с английским языком», Набоков подчас сам себе противоречит. Например, несмотря на внимательное изучение книги «Рукою Пушкина», подготовленной Л. Б. Модзалевским, М. А. Цявловским и Т. Г. Зенгер, В. В. Набоков не придает значения тому факту, что свою «ошибку» в переводе с английского на французский первых четырнадцати стихов байроновского «Гяура» в 1821–22, Пушкин исправил в русском переводе, и пушкинский вариант восхитил строгого критика: «На волшебном русском языке Пушкина это передано как “прах Афин”»⁷⁶. Так поэт отдает должное поэту: «прах Афин» придает словам другое измерение — измерение поэтической вечности, оно изысканнее «могилы афинянина» («the Athenian's grave»), которая, впрочем, тоже возникает в переводе:

Нет ветра — синяя волна
На прах Афин катится;
<.....>
Высокая могила зрится. (II, 469, ср.: 990)

⁷⁵ Набоков В. В. Указ. соч. С. 173–174.

⁷⁶ Набоков В. В. Указ. соч. С. 177.

Те же ошибки, которые Набоков называет, допустимы на начальной стадии работы над переводом⁷⁷.

Из всего сказанного можно предположить, что уже в начале 1820-х годов Пушкин увлекся творчеством Шекспира, почувствовал острую необходимость в изучении английского языка. Процесс шекспиризации западноевропейской культуры не мог оставить в стороне нашего гениального соотечественника, который в равной степени приобщался к щедротам французской, немецкой и, в особенности, английской литератур. Вполне возможно, в контексте этого интереса на л. 28 ПД 831 и появился графический набросок британского поэта, застигнутого врасплох: его окликнули — он оглянулся в ходьбе. Подобное, отчасти фамильярное отношение было характерно для Пушкина и лицеистов в их восторженном изучении мировой истории и поэзии. Этим их увлек лицейский профессор А. И. Галич, начинавший свои уроки предложением «потрепать лавры» того или иного великого автора.

Аналогичное отношение к предкам и к самому себе для Пушкина было естественным, известны портрет Вольтера в ночном колпаке, карикатура на француза Дегельи без штанов, с которым русский поэт собирался драться на саблях, его же изображение «человека с искаженным от страха лицом, волосы дыбом!» (4–6 июня 1821, Кишинев)⁷⁸, зарисовки с натуры членов общества «Зе-

⁷⁷ Тем не менее В. Набоков с сарказмом отмечает: «Не удивительно, что в принадлежащей ему (написанной по-французски) книге П. Дж. Поллока <Курс английского языка...> (СПб., 1817) разрезано лишь очень немного страниц наобум, в нескольких местах». (Там же).

⁷⁸ Ср. с достаточно пристойными изображениями братьев Грим, как и в случае с Дегельи, в композиции автографа появляется фигура кошки, которая развернута к читателю спиной. См.: Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. С. 338, 397, 400.

ленной лампы», портретные изображения Д. Давыдова, ироничные автопортреты: в образе старика, в виде монаха, в лавровом венке, в профанной позе с Онегиным, в облачении времен французской революции, в виде придворного арапа, в образе лошади и даже в виде женщины. Рассуждая о своем творческом жребии, поэт писал в последней строфе второй главы «Евгения Онегина»:

И чье-нибудь он сердце тронет;
И, сохраненная судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной;
Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет
И молвит: то-то был поэт!
Прими ж мои благодаренья,
Поклонник мирных Аонид,
О ты, чья память сохранит
Мои летучие творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплет *лавры старика!*

Рискну предположить, что в этом графическом наброске сходство путника с Шекспиром не случайно; в контексте творческих записей оно вполне правдоподобно.

В графической композиции к «Чедаеву» (1821, II, 605), находящейся на листе 28 ПД 831, можно, кроме Гёте и Шекспира, атрибутировать портретные наброски Чаадаеву и Жуковскому; в двух изображениях узнаваемы черты лицейского друга Пушкина — В. К. Кюхельбекера⁷⁹.

⁷⁹ Ср. с пятью изображениями Кюхельбекера, датированными началом 1826 г., на листе с первыми строфами пятой главы «Евгения Онегина». Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. С. 168–172.

Вильгельм Кюхельбекер был страстным поклонником Гёте и Шекспира. Его отец Карл фон Кюхельбекер был родом из Саксонии, учился в Лейпциге одновременно с Гёте, которого знал лично⁸⁰. Кюхельбекер-сын считал Гёте величайшим поэтом, а Шекспира ставил выше «однообразного Байрона»⁸¹. Ю. Д. Левин (со ссылкой на Ю. Н. Тынянова) отнес первое знакомство В. К. Кюхельбекера с творчеством Шекспира к периоду его пребывания в Грузии (1821-1822 гг.)⁸².

«Грибоедов заставляет пересмотреть Кюхельбекера вопрос о достоинстве драматической поэтики Шиллера и заняться изучением Шекспира, причем Шекспир — в особенности в исторических хрониках — так и остается до конца именем, которое Кюхельбекер не перестает противопоставлять Шиллеру в борьбе против влияния драматургии Шиллера... От Грибоедова исходит требование «народности» литературы, всецело принятое Кюхельбекером»⁸³.

Грибоедов был одним из авторитетнейших англоманов в России, его репутацию яркого поклонника творчества Шекспира мож-

⁸⁰ См. Руденская М., Руденская С. Они учились с Пушкиным. Л., 1976. С. 63.

⁸¹ См.: Мнемозина, 1824. Ч. II. С. 41. Ср. Там же. Ч. III. С. 173. Об оценке Шекспира и Байрона у Кюхельбекера см.: Н. И. Мордовченко. В. К. Кюхельбекер как литературный критик // Ученые записки Ленинградского государственного университета. N 90. Серия филологических наук, вып. 13. Л., 1948. С. 75–76, 82–84. Его же. Русская критика первой четверти XIX века. Изд. АН СССР. М. ; Л., 1959, стр. 395–396, 402–404.

⁸² Левин Ю. Д. [Вступительная статья к «Рассуждению В. К. Кюхельбекера об исторических драмах Шекспира». // Международные связи русской литературы: Сб. статей под ред. М. П. Алексева. М. ; Л.,: Изд-во АН СССР, 1963. Хотя первая короткая встреча Кюхельбекера с А. С. Грибоедовым состоялась еще летом 1817 г., начало их серьезного общения датируется декабрем 1821 г.

⁸³ Тынянов Ю. Н. Пушкин и Кюхельбекер // [А. С. Пушкин: Исследования и материалы] / План тома, организация материала, литературная редакция, подбор материала и оформление И. С. Зильберштейна и И. В. Сергиевского. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 350.

но найти в письмах⁸⁴ и воспоминаниях современников⁸⁵. С сентября 1826 г. по май 1827 г. в Грузии он работал над трагедией «Грузинская ночь», где есть сцена духов, которую французский исследователь А. Лирондель в книге «Шекспир в России» («Sheakespeare en Russie, Étude de littérature comparée») сопоставил со сценой ведьм в «Макбете»⁸⁶ и заклинаниями злых духов перед последним сражением Жанны д'Арк в «Генрихе VI» Шекспира⁸⁷.

На начальном этапе Кюхельбекер осваивал Шекспира в немецких «романтических» переводах, поскольку английским языком на достаточном уровне он овладел позже (напомним, что немецкая романтическая интерпретация творчества английского драматурга восходит к фигурам Гердера и Гёте).

Из Шекспира он черпал материал для оригинального творчества. Так, в драматической шутке «Шекспировы духи», написанной в 1824 г. (опубликована в 1825 г.), автор смешивает фантастические персонажи пьес английского драматурга «Сон в летнюю ночь» и «Буря», пересаживая их на отечественную культурную почву, придает им русский колорит. Таким образом, освоение шекспировских открытий принимало у Кюхельбекера пародийную форму. Ещё в 1825 г. Кюхельбекер предлагал В. А. Жуковскому⁸⁸ осуществить совместный перевод «Макбета», но Жуковский не заинтере-

⁸⁴ Грибоедов А. С. Письмо Бегичеву С. Н., <июнь 1824> // Грибоедов А. С. Сочинения. М.: Худож. лит., 1988. С. 495–498.

⁸⁵ Бегичев С. Н. Записка об А. С. Грибоедове // А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Федерация, 1929. С. 9.

⁸⁶ См.: Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: В 3 т. / Под ред. и с прим. Н. К. Пиксанова и И. А. Шляпкина. СПб., 1911. Т. 1. С. 303.

⁸⁷ См.: Левин Ю. Д. «Шекспир и русская культура». М.; Л., 1965. С. 137–138.

⁸⁸ «Бывают странные сближения», и одним из них является то, что на одном листе (28 ПД 831) пушкинской тетради еще в 1821 г. одновременно изображены Шекспир, Жуковский и Кюхельбекер!

совался этим проектом⁸⁹. Ю. Д. Левин предположил, что тогда поэт собирался перевести не оригинальную шекспировскую пьесу, а шиллеровскую переделку трагедии⁹⁰.

После поражения восстания декабристов именно драмы и исторические хроники Шекспира помогли Кюхельбекеру пережить тяжелые годы одиночества, по-новому осмыслить историко-политические предпосылки личной трагедии. Заключение в крепость не умалило интереса Кюхельбекера к изучению творчества английского драматурга. Стремясь узнать подлинного Шекспира, он в первый же год своего заточения усиленно занимается английским языком⁹¹. С 1828 по 1836 г. опальный декабрист трудится над переводами Шекспира — переводом исторической хроники «Ричард II» (сентябрь-октябрь 1828 г., черновой вариант) и трагедии «Макбет» (ноябрь-декабрь того же года, позже в ссылке Кюхельбекер переработал перевод первых трех актов), первой части «Генриха IV» (осень 1829-января 1830, неизвестно, был ли закончен перевод второй части); трагедии «Ричард III» (май-сентябрь 1832 г., перевод заново редактировался в 1835–1836 гг.); «Венецианского купца» (август-сентябрь 1834 г., переведен только до середины второго акта). Неосуществленными остались переводы «Короля Лира» и «Двух веронцев», выполнить которые Кюхельбекер собирался в 1832-1833 гг.⁹²

⁸⁹ См. недатированное письмо В. А. Жуковского к Кюхельбекеру, которое Ю. Д. Левин отнес к концу 1825 г.: Русская старина. 1902. Т. СХ, апрель. С. 178.

⁹⁰ Левин Ю. Д. Указ. соч.

⁹¹ См.: Русская старина. 1875. Т. XIII, июль. С. 349.

⁹² См.: В. К. Кюхельбекер — переводчик Шекспира // Шекспировский сборник. 1967. М., 1968, с. 44–59; его же: «Макбет» Шекспира в переводе

Сам поэт считал достойными к публикации далеко не все свои переводы. В литературном завещании, продиктованном И. И. Пущину 3 марта 1846 г., он, упоминая первые три акта второй редакции «Макбета» и «Ричарда III», просил: «Истребить, если не успею переправить»⁹³ «Генриха IV». Переводческий опыт Кюхельбекера был уникальным по своим масштабам для России первой половины XIX века. Жаль, что этим трудам не было суждено занять достойное место в отечественной культуре. Сегодня они представляют интерес лишь для узкого круга специалистов, рукописи его переводов не изданы и хранятся в рукописном отделе Российской государственной библиотеки (ф. 218, картон 362).

Шекспировское наследие Кюхельбекера не ограничивается одной оригинальной драматической шуткой, его переводами «Макбета», I и II частей «Генриха IV», «Ричарда II»; «Ричарда III» и незаконченного «Венецианского купца»; до нас дошли не менее интересные замечания поэта, его мнения, высказанные в письмах и публицистических статьях. Так, еще при жизни Кюхельбекера в седьмом номере «Литературной газеты» (1830 г.), который совместно с О. М. Сомовым подготовил к печати Пушкин, без указания автора вышла статья Кюхельбекера «Мысли о Макбете» (стр. 52—53)⁹⁴. Другая статья «Рассуждение о восьми исторических

В. К. Кюхельбекера // Шекспир В. Макбет. Пер. В. К. Кюхельбекера. / Памятники культуры. Новые открытия, 1981. Л.: Наука, 1983.

⁹³ В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы. Л., 1939. Т. I. С. LXXVIII.

⁹⁴ Ю. Д. Левин установил, что эта статья являлась предисловием к переводу «Макбета», выполненному им в ноябре–декабре 1828 г. См.: Левин Ю. Д. В. К. Кюхельбекер автор «Мыслей о Макбете» // Русская литература. 1961. № 4. С. 191–192.

драмах Шекспира и в особенности о Ричарде III» (1832 г.) увидела свет только в 1963 г.⁹⁵.

Еще в первой половине 1820-х годов Кюхельбекер заинтересовался сонетной формой. В дошедших до нас одиннадцати сонетах, которые он не переставал писать вплоть до самой смерти в Гобольске 11 августа 1846 г., поэт передал евангельскую историю рождения и смерти Иисуса Христа.

Можно предположить, что интерес к Шекспиру отчасти отражал своеобразное творческое состязание, которое существовало между двумя поэтам еще с лицейской поры. Напомним, что Кюхельбекер нередко опережал своего одаренного приятеля. Так, если принять гипотезу Р. Г. Назарьян, Вильгельм Кюхельбекер стал первым поэтом из круга лицеистов, чью оду «На взятие Парижа» опубликовали в 1814 г. в июньской книжке «Вестника Европы» под псевдонимом «Руской». Он же, по мнению исследователя, выступает адресатом пушкинского послания «К другу стихотворцу»⁹⁶, где юный поэт поучает своего «друга», давая ему суровую отповедь⁹⁷. Отношение двух товарищей чуть не переросли в открытое противостояние, когда вспыльчивый Кюхельбекер, обидевшись на шутку, вызвал Пушкина на дуэль.

Л. Поливанов обратил внимание на сходство черт характера Ленского и Кюхельбекера в сцене, когда поэт вызывает Онегина на дуэль: «Вспыльчивость Кюхельбекера, который и в лице порою

⁹⁵ Левин Ю. Д. [Вступительная статья к «Рассуждению В. К. Кюхельбекера об исторических драмах Шекспира].

⁹⁶ Назарьян Р. Г. Вильгельм Кюхельбекер как адресат послания Пушкина «К другу стихотворцу» и автор оды «На взятие Парижа»: (Опыт гипотетического исследования) // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. СПб.: Наука, 1993. Вып. 25. С. 93–106.

⁹⁷ См.: Вестник Европы. 1814. Ч. 75, № 12. С. 272–274; Ч. 76, № 13. С. 712.

выходил из себя от товарищеских шуток над ним, не чужда и Ленскому. К довершению сходства — самому Пушкину суждено было драться на дуэли с этим другом своего детства — и первый вызвал Кюхельбекер»⁹⁸. Но, к счастью, Кюхля оказался мудрее литературного героя и примирился с однокашником.

Еще одним интересным биографическим фактом, который по времени совпал с появлением на листе 28 ПД 831 профиля В. А. Жуковского (возле правой голени Шекспира). Жуковский вслед за Карамзиным стал одним из главных ценителей Шекспира в России начала XIX века. Знакомство Жуковского с творчеством Шекспира, равно как и других английских поэтов, могло произойти в пору пребывания в Московском университетском благородном пансионе (1797—1800) и участия в Дружеском литературном обществе (1800-1801)⁹⁹.

Косвенным свидетельством того, что студенты Университетского благородного пансиона были знакомы с творчеством великого драматурга, может служить то, что имя Шекспира употреблялось ими в качестве нарицательного. Так, в воспоминаниях младшего современника Жуковского М. А. Дмитриева в книге «Мелочи из запаса моей памяти» (1854), «нашим Шекспиром» называется поэт и драматург Николай Васильевич Сушков. Употребление имени Шекспира в нарицательном контексте было свойственно и самому Жуковскому. П. А. Вяземский, вспоминал о том, что в часы досуга Жуковский любил поупражняться в гениальном вранье и

⁹⁸ См.: Соч. А. С. Пушкина / Изд. Л. Поливанова. Т. III. М., 1887. С. 47.

⁹⁹ См.: Дмитриев М. А. Из книги «Мелочи из запаса моей памяти» // В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М.: Наука, 1999. С. 117.

ценил такую способность в других: «В нашем обществе был молодой человек, который также превосходно отличался по этой части. При встречах с ним он вызывал его на импровизацию и на представления в лицах какой-нибудь комической сцены. Он заслушивался его, любовался им и, в восторге вскрикивая, помирал со смеху: да ты просто Шекспир!»¹⁰⁰. Кем был этот молодой приятель Жуковского, установить не представляется возможным; большая подборка шуточных стихотворений, написанных в селе Долбино осенью 1814 года («долбинская осень», «долбинские стихотворения»), была опубликована П. И. Бартеневым (Русский архив. 1864. № 10. Стб. 1005).

Определенное влияние на его эстетические взгляды мог иметь талантливый литератор А. И. Тургенев (1781–1803). Этот рано ушедший из жизни переводчик Шекспира, Шиллера и Франклина писал о своем товарище в 1802 году: «окружен Греем, Томсоном, Шекспиром, Попе и Руссо!»¹⁰¹. Впрочем, понимание истинной художественной ценности творчества Шекспира пришло к нему не сразу¹⁰². В том же 1802-м году Жуковский выступил с критикой «Макбета» Андрея Тургенева и советовал опустить из его перевода фантастические сцены с ведьмами, места о «пузырях земли». Автор

¹⁰⁰ См.: Вяземский П. А. Из «Объяснений к письмам Жуковского» // В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М.: Наука, 1999. С. 205.

¹⁰¹ Цит. по: Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904. С. 50.

¹⁰² См.: В. А. Жуковский — критик / Сост. подг. текста, вступ. ст. и коммент. Ю. М. Прозорова. М.: Сов. Россия, 1985. С. 80–81, 133, 151; Жуковский В. А. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1985. 430 с. О Шекспире см. указатель имен.

посчитал работу над переводом неудавшейся и уничтожил свой перевод.

Несмотря на критичное отношение к шекспировской фантастике, уже спустя десятилетие сам Жуковский переболел нарочитыми Бюргеровскими страстями и начал вводить в свои баллады русский колорит. В «Светлане» (1812) он обратился к теме святочного гадания, отдаленные переключки с темой жизни-сна и смерти-воскресения восходят к «Зимней сказке» Шекспира. В то время, когда Жуковского обвиняли в увлечении заморскими ведьмами и чертями, он напротив обращался к народной стихии, погружал читателя в атмосферу фольклорных обычаев, что всегда было чисто шекспировской особенностью. Даже нападая на поэта в 1824 г., шекспирист Кюхельбекер не мог не признать национального характера поэмы Жуковского: «Печатью народности ознаменованы какие-нибудь 80 стихов в “Светлане”...».

Жена Жуковского Мария Протасова вспоминала в 1822 г. о счастливых днях, которые они с поэтом проводили в Муратове, родовом имении Буниных, и читали вслух Шекспира и Гёте.

К. К. Зейдлиц приводит следующие сведения, относящиеся к общению Жуковского с немецким шекспиристом Людвигом Тиком во время пребывания в Дрездене в 1821 г: «В первое же свидание Жуковский немного поспорил с хозяином по поводу Шекспира “Гамлета”, который казался нашему поэту непонятным чудовищем и в котором, казалось ему, Тик и Шлегель находят более собственное богатство мыслей и воображения, нежели Шекспиро-

во»¹⁰³. На это суждение Тик ответил Жуковскому: «Но в том-то и привилегия гения, что, не мысля и не назначая себе дороги, по одному естественному стремлению, — вдруг он доходит до того, что другие открывают глубоким размышлением, идя по его следам; чувство, которому он повинует, есть темное, но верное; он вдруг взлетает на высоту и, стоя на этой высоте, служит для других светлым маяком, которым они руководствуются на неверной своей дороге»¹⁰⁴. Желая привлечь внимание Жуковского именно к изобразительной силе таланта Шекспира, Тик читал ему вслух «Макбета», особенно ужасные сцены (возможно, те самые, которые русский поэт призывал изъять из перевода своего друга). Но наш поэт и тут нашел, что в сравнении с чтением своего знакомого А. А. Плещеева (1778-1862) Тик не настолько владеет выражением эмоций и мимикой. Жуковскому больше понравилось чтение Тиком шекспировской комедии «Как вам угодно», и он заключил, что немец лучше владеет исполнением комических пьес, нежели трагедий: «Но Плещеев, кажется мне забавнее, может быть потому, что комическое французов ему более знакомо, нежели Шекспирово. Французы прекрасно изображают странное, смешат противоположностями, остротой или забавностию выражений; Шекспир смешит резким изображением характеров, но в шутках его нет тонкости, по большей части одна игра слов; они часто грубы и часто оскорбляют вкус. Сверх того, Тик, как мне кажется, дошел до смешного искусством: его характер более важный, нежели веселый»¹⁰⁵.

¹⁰³ Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. Цит. по: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М.: Наука, 1999. С. 62.

¹⁰⁴ Там же. С. 63.

¹⁰⁵ Там же.

Таким образом, в начале 1821 года, когда поэт предпринимает свое путешествие по Европе, ему еще свойственно смотреть на драму Шекспира с позиции французского классицизма. Так, запись в одной из тетрадей, которую поэт сделал для занятий с великой княгиней Александрой Федоровной, представляет, по мнению исследователей, конспект из работ зарубежных авторов по истории литературы и собственные выводы Жуковского, где он дает гуманистическую трактовку творчества великого драматурга: «Шекспир не классический писатель в том смысле, как Софокл; не имеет отделки, но верный изобразитель природы и жизни, без принуждения – без всяких теорий. В его творениях сперва человек, потом гражданин или герой»¹⁰⁶.

Возможно, что после плодотворного общения с Л. Тиком Жуковский стал более внимательно относиться к творчеству Шекспира. В его зрелом творчестве английская литература уступает место, пожалуй, только немецкой, но размышления о ней он выносил за рамки творчества. Вероятно, в творческие планы Жуковского входила работа по переводу Шекспира. Среди книг библиотеки поэта встречается список, сохранившийся на форзаце одной из них, который, скорее всего, указывает на творческие планы Жуковского:

«Из Мильтона

– Шекспира – Макбет¹⁰⁷. Отелло.

– Томпсона –

– Попа

– Голдсмита. Deserted village

¹⁰⁶ См. Библиотека Жуковского в Томске. Ч. 2. Томск. С. 210.

¹⁰⁷ Как мы уже отмечали, Кюхельбекер предлагал Жуковскому перевести эту пьесу в 1825 г.

- Валтер Скотта. Татий
- Бейрона – Манф <ред.>.
- IV Песнь. Сон.
- Мура
- Саути – Родриг
- Вордсворта – The travail
- Крабба – »¹⁰⁸

В последние годы и месяцы своей жизни Жуковский особенно беспокоился о дальнейшей судьбе развития русской литературы, ее опоры на верные образцы, среди коих он, в первую очередь, выделял английского драматурга. В письме к своему верному другу Плетневу от 7 декабря (стар. ст.) 1851 года Жуковский озвучивает своеобразное духовное завещание, которое просит передать на словах А. Н. Майкову: «Скажите от меня Майкову, что он с своим прекрасным талантом может начать разряд новых русских талантов, служащих высшей правде, а не материальной чувственности; пускай он возьмет себе в образец Шекспира, Данте, а из древних Гомера и Софокла...»¹⁰⁹. Плетнев исполнил волю товарища, о чем успел сообщить последнему: «Майков оживотворен тем, что вы о нем ко мне писали. Я с ним прочитал вместе вашего “Лебедя”, и он в восторге от него»¹¹⁰. Здесь имеется в виду не «Эйвонский лебедь», как иногда называли Шекспира современники (Бен Джонсон, 1623), а стихотворение Жуковского «Царскосельский лебедь» (1851), в котором поэт называет себя «пращуром лебединым»:

¹⁰⁸ Там же. С. 484.

¹⁰⁹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Цит. по кн.: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. С. 478.

¹¹⁰ Там же.

Но не сетуй, старец, пращур лебединый
Ты родился в славный век Екатерины¹¹¹.

Смысл образа Жуковский раскрыл в вышеупомянутом письме к Плетневу: «Чтобы заплатить вам чем-нибудь за ваши хлопоты, посылаю вам новые мои стихи, биографию Лебеда, которого я знавал во время оно в Царском Селе. Об нем я вспомнил, увидя в Бадене великую княгиню Марию Николаевну, которая была для меня явлением Руси на чужой стороне. Мне хотелось просто написать картину Лебеда в стихах, дабы моя дочка их выучила наизусть; но вышел не просто Лебедь. Посылаю его вам. Может быть, в стихотворной биографии вы найдете ту же старческую хилость ее автора, какою страдал описанный им Лебедь. Во всяком случае, прошу принять благосклонно эту лепту вдовицы»¹¹².

Все перечисленные факты наводят на мысль, что появление профиля Жуковского на одном листе с Кюхельбекером и Шекспиром не случайно, оно выражает их общий интерес к творчеству английского драматурга.

По мнению исследователей автографов Пушкина (А. М. Эфрос, Т. Г. Цявловская), рисунки поэта зачастую появляются во время «творческих пауз». Как отмечает далее Т. Г. Цявловская:

«Эти беглые рисунки производят впечатление мгновенных набросков, а являются они выразительными портретами с острыми характеристиками.

¹¹¹ Императрицу Екатерину II поэту довелось видеть только единожды будучи пятилетним мальчиком на приеме в Зимнем дворце.

¹¹² Там же. С. 433.

Рисунки эти воскрешали образы тех, о ком Пушкин думал, кого вспоминал»¹¹³.

Это вполне созвучно образу пушкинского автографа (лист 28 ПД 831), синтезу зарисовок и черновых набросков. Поэт вспоминает своих друзей и знакомых в контексте творческих исканий, обретения новых творческих ориентиров, которые были важны в их кругу и которые он признавал значимыми для себя. Существенно и то, что у Пушкина и Кюхельбекера обнаруживается определенная синхронность в творческом обращении к наследию Шекспира. Оба друга почти в один и тот же момент с усердием принимаются за изучение пьес англичанина, учатся ради этого английскому языку, одновременно выражают свой «шекспиризм» в оригинальном творчестве («Борис Годунов», «Граф Нулин» и «Шекспировы духи», 1824-25 гг.), предпринимают попытки перевода.

Тема изгнания, характерная для «южного» романтического периода творчества, присутствует в послании к «Чадаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет», 1821; II, 47-49). Она усугублена разлукой с другом (Чаадаевым) и забвением «тревоги прежних лет». Поэту легко отвыкнуть от «пиров, где праздный ум блестит, тогда как сердце дремлет», отставить «шумный круг безумцев молодых», «врагов» и обрести другие ценности, а именно: «для сердца новую вкушаю тишину».

Исследователи не раз отмечали расширение круга интересов Пушкина в послелицейский период, когда он осваивал разнообразные культурные пласты, достижения науки, искусства, философии, этики и эстетики. Особенно заметна напряженная умственная и духовная работа Пушкина во время вынужденного уединения, будь

¹¹³ Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. С. 7–8.

то южная и Михайловская ссылки или две Болдинские осени поэта. Итогом такого усердия всегда становились не только многочисленные рукописи произведений, но и появление в творческом обиходе поэта новых фигур западноевропейских писателей и ученых, философов и религиозных мыслителей. Самообразование было принципиальным подходом поэта к освоению всего нового в культуре, литературе, науке и в быту, того, что он по разным причинам не освоил или не узнал в полной мере в лицейский период. Благодаря самообразованию в его творческие интересы входят Байрон, Шиллер, Гёте и, наконец, Шекспир. Свой новый этап развития поэт обозначил в законченном в Кишиневе в мае 1821 г. стихотворном послании «Чедаеву»:

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум:
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.

Быть с «веком наравне» поэту способствовали общение друзей и чтение книг. Вспоминая «беседы прежних лет», автор послания называет:

пророческие споры,
Знакомых мертвецов живые разговоры...

Именно в этом контексте и появились в черновых набросках послания «Чедаеву» портреты «знакомых мертвецов» (Шекспир

и Гёте), друзей и подруг, так или иначе связанные шекспировской темой Пушкина.

Справедливо отмечено: «Пушкину свойственен оригинальный, самостоятельный подход к любому новому веянию. Он ничего не принимает на веру: любая, даже самая модная, идея подвергается критическому анализу; ищущая мысль подчас как бы оборачивается своеобразным *несогласием*; дух противоречия — свойство его природы. Поэт создает *свою* концепцию “вольтерьянства”, “руссоизма”, “байронизма”, “шатобрианства”»¹¹⁴.

На этом листе из рабочей тетради образно сформулированы и сконцентрированы творческие идеи Пушкина: набросаны черновые стихи-послания, портреты друзей и «знакомых мертвецов», дана модель и обозначена перспектива его эволюции, которая позже выразилась в шекспиризме русского поэта.

¹¹⁴ Вольперт Л. И. Русско-французские литературные связи конца XVIII – первой половины XIX века // <http://www.ruthenia.ru/volpert/articles/myshl.txt.htm>

Сведения об авторе:

Захаров Николай Владимирович — доктор философии (Ph.D.), кандидат филологических наук, действительный член Международной академии наук (IAS, Инсбрук), член Шекспировской комиссии РАН, ученый секретарь-ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований МосГУ, член редколлегии научного журнала «Знание. Понимание. Умение».

Автор книг «Шекспир в творческой эволюции Пушкина» (2003), [в сост. колл. авторов.] «Литература: Практикум: Зарубежная литература» (2006), [в сост. колл. авторов.] «Гуманитарное знание: Тенденции развития в XXI веке» (2006) и более 60 научных статей, посвященных диалогу русской и зарубежной литератур. Руководитель Интернет-проекта «Русский Шекспир» (www.rus-shake.ru).

Научное издание

ШЕКСПИРОВСКИЕ ШТУДИИ VI:

Захаров Николай Владимирович

Изображение Шекспира в рисунках Пушкина

(опыт атрибуции)

Монография

Для обсуждения на научном семинаре

25 июня 2007 года

Художник — Алексей Захаров

Издательство Московского гуманитарного университета

Печатно-множительное бюро

Подписано в печать 25.05.2007 г. Формат 60X84 1/16

Усл. печ. л. 3,0

Тираж 100 Заказ № 1264

Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, 5/1